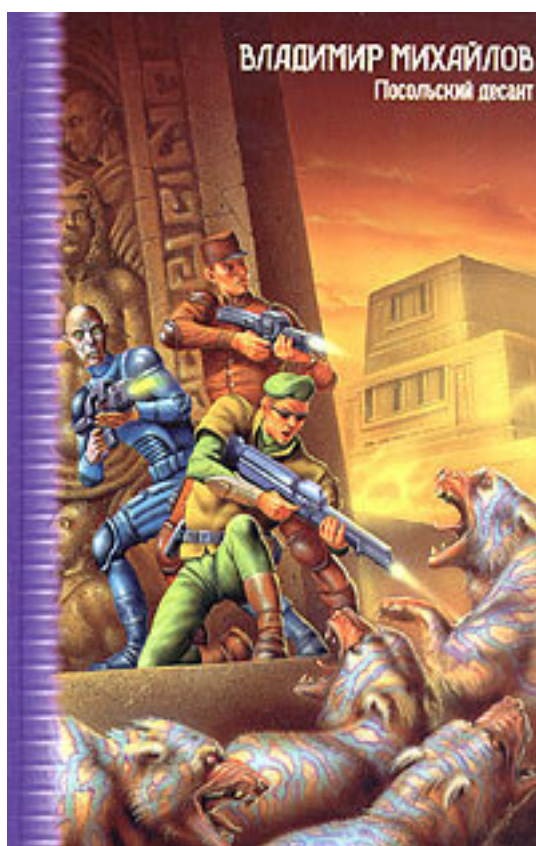

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ
Посольский десант

Посольский десант

Владимир Михайлов

Полная заправка на Иссоре

«Автор»

1994

Михайлов В. Д.

Полная заправка на Иссоре / В. Д. Михайлов — «Автор»,
1994 — (Посольский десант)

Нелегкое это дело – подстраиваться под традиции и нравы жителей других планет. Космическим дипломатам Изнову и Федорову приходится на собственной шкуре испытать все прелести жизни разумных существ трех разных обитаемых миров.

© Михайлов В. Д., 1994

© Автор, 1994

Содержание

Владимир Михайлов	5
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Владимир Михайлов Полная заправка на Иссоре

Они даже не помнили, сколько на самом деле прошло времени с тех пор, как, добравшись все-таки до спасительного корабля и стартовав с синерианского космодрома, государственные преступники нырнули в первый же подвернувшийся выход полипространственной структуры, послав в неизвестность лишь тот единственный сигнал, о котором уже упомянул Федоров, и лишь недавно вынырнули в нормальной трехмерной пустоте. Через некоторое время им удалось поймать луч маяка, который и позволил никем не остановленными и даже, кажется, не замеченными добраться до планеты, названия которой они не знали. Меркурий как-то ухитрился посадить машину на последних ватгах мощности. Опустились они там, куда маяк привел их, и когда корабль замер на грунте, после короткого отдыха, так и не дождавшись традиционных вопросов извне, включили обзорные мониторы, чтобы оглядеться. И увидели надпись.

– Красивый плакатик, – сказал Федоров. – Что они там объявляют: распродажу?

Изнов не сразу понял, что имелось в виду. Тут слово «плакатик» вряд ли подходило: обширная надпись висела прямо в небе над космодромом, предупреждая, быть может, о чем-то очень важном. Несколько слов – или, возможно, цифр – излучали такой свет, что прочесть их без всякого усилия смог бы и человек, почти совершенно лишенный зрения.

– Переведите кто-нибудь, – попросил Федоров, постоянно испытывавший затруднения с языками. – Меркурий, вы разбираетесь в здешней письменности? По-моему, она чем-то напоминает вашу.

– О, несомненно, – с готовностью согласился Меркурий. – Эти знаки тоже состоят из прямых и кривых линий.

– Остряк хренов, – сказал Федоров.

– Во всяком случае, мне таких языков не преподавали, – проговорил Изнов. – Хотя... Эй, смотрите-ка!

Мгновением раньше надпись моргнула и приняла другие очертания.

– Ага, – пробормотал Меркурий. – Уже лучше. Это окинарский язык, а он, по сути дела, представляет собой лишь испорченный синерианский. Теперь...

После непродолжительного молчания он, однако, пожал плечами:

– Слова я понимаю, но истолковать общий смысл не берусь.

– Что же все-таки там написано? Нас поздравляют с благополучной посадкой? Если вы вовремя передали тот сигнал, о котором я вас просил, то не исключается, что нас могут встретить именно так.

– К вашему сведению, – сообщил синерианский судовладелец, – я повторил его трижды, хотя не понял ни слова.

– Вам и не нужно было. Лишь бы понял тот, кому он был адресован.

– Кому же, советник? – полюбопытствовал Изнов.

Федоров пожал плечами.

– Я его никогда не видал. Итак, что же здесь говорится?

– Это вряд ли приветствие, – пробормотал Меркурий. – Может быть, даже наоборот...

Там сказано лишь:

«Сегодня жизнь стоит 8 125 соров. Спешите! Может быть, это ваш шанс!»

Восклицательный знак выглядел угрожающе, как занесенный ятаган.

– Прелестно, – озадаченно проговорил Федоров. – Это что: реклама страховой компании? – И после паузы добавил: – Хорошо бы понять: много это или мало?

– Смахивает на предложение услуг похоронного бюро, – заметил Изнов. – Тогда это касается улетающих, но уж никак не нас. Мы прилетели.

– Только вот куда? – поинтересовался Федоров, свирепо сощурившись, словно в прицел глядя.

– Меркурий, красавец мой ласковый, куда, к разедакой бабушке, вы нас заташили?

Федоров сказал это по-террански, оборот же был чисто русский, так что имперский дворянин понял его буквально и ответил так:

– Все мои бабушки с давних пор пребывают в мире вечного блаженства; но я не уверен, что мы прибыли именно туда.

– Да, – сказал Изнов. – Откровенно говоря, непохоже.

И он снова включил внешние мониторы, ранее выключенные ради экономии энергии, которой было мало – в отличие от денег и топлива, которых не было уже совсем. Включил и стал всматриваться.

Возникшее на экране никак не совпадало с тем, что можно и нужно было ожидать на нормальном интерпланетарном космодроме мало-мальски цивилизованного мира.

Обширный – едва ли не за горизонт уходящий – старт-финиш порта был совершенно лишен той деловой строгости, того сдержанного спокойствия, какое бывает свойственно такого рода предприятиям и достигается повседневной работой, упорной и профессиональной, отлаженным взаимодействием хорошо сладившихся служб. Того порядка, при котором всякий сколько-нибудь опытный наблюдатель может, не затрудняясь, расшифровать любое движение на поле: длинная подлетайка – везут пассажиров недавно прибывшего лайнера, сверкающая отраженным светом лаковая коробочка доставляет, наоборот, экипаж к кораблю, которому предстоит старт; в другой стороне ползет приземистая машина, ошетилившаяся множеством всяких выростов, – едет ремонтная команда для проверки технической исправности какого-то борта, еще дальше – заправочный стенд, к которому приближается целый поезд топливных цистерн, – и так далее, и тому подобное. Нормальная, привычная глазу путешественника картина. А уж кто путешествует больше галактических дипломатов! Но такого, как здесь, ни одному из них не приходилось ни видеть, ни даже слышать о подобном.

На необозримом поле воистину яблоку было некуда упасть. Как и груше, и сливе, и любой, даже самой мелкой яголке из того множества, что здесь покупалось и продавалось с прилавков, лотков, из палаток, из кое-как, на скорую, видно, руку сколоченных павильонов, а также прямо с машин, которых здесь виднелось невероятное количество; плоды покрупнее были насыпаны прямо на бетоне (хотя не исключено, что то было какое-то другое покрытие, приспособленное для посадки и взлета тяжелых кораблей) – тут и там возвышались целые пирамиды их. Однако это вовсе не было овощным рынком – вернее, только лишь фруктово-овощным; не в меньшем изобилии было здесь представлено и мясо, и рыба, и битая птица – да вообще все, что пригодно было не только для поддержания, но и для немалого украшения жизни людей, черпающих удовольствие в чревоугодии. Но все это составляло лишь относительно небольшую часть товаров; вообще тут имелось, можно было подумать, все на свете, а может быть, даже несколько больше того. Народу было великое множество; впрочем, если внимательно всмотреться, удалось бы заметить, что куплей занималось лишь относительное меньшинство присутствовавших, большая же часть просто глазела, порой приценивалась – и тут же отходила и продолжала свое движение, подобное броунову, по территории космодрома. Не исключено, что такие прогулки были на этой планете если не излюбленным, то, во вся-

ком случае, весьма распространенным развлечением для людей, не слишком, похоже, занятых какой-либо полезной для общества деятельностью.

Потолкавшись в продуктовых рядах, тянувшихся от горизонта до горизонта, насытив если не желудок, то, во всяком случае, потребность в информации и, быть может, даже эстетическую жажду, кишевшие на космодроме перемещались в те части торжища, где предлагались уже не съестные припасы, но товары более долговременные. Да, действительно тут было буквально все – кроме лишь того, что в первую очередь должно было бы иметься: кроме кораблей и всего, с ними связанного.

Такая вот, следовательно, была картинка. Увлечательная, но не вполне постижимая.

Настолько, видимо, непонятная, что Изнов даже подумал вслух:

– Э, а может быть, это совсем не то? Меркурий, может, это какой-то фильм затесался? У вас кристалл не воткнут в аппарат?

Синерианин не стал даже отвечать; лишь выразительно пожал плечами.

– Да нет, – решил Федоров. – Уж больно жизненно.

– Просто невероятно!

– В Галактике всякое бывает, – сообщил Федоров тоном человека, внутренне приготовившегося ко всяческим неприятностям. – Да и какое наше дело? Давайте лучше решать – что станем делать. Обращаться к властям, просить политического убежища? Сомнительно. Ждать, что на мой сигнал откликнется тот, кому он был адресован? Еще более. Будь здесь другие корабли, мы попытались бы договориться о топливе с кем-нибудь из их капитанов – но здесь именно кораблей и не хватает для полноты картины. Взять оружие, дождаться темноты и выйти на большую дорогу с целью личной наживы? Чревато опасностями, да и как-то неудобно: мы все-таки официальные лица, пусть и в бегах. Короче говоря, пока что я не вижу никакого разумного выхода.

– Придется обойтись неразумными, – сказал Изнов. – Таких у вас много? Кроме уже перечисленных?

– Еще только один. Спуститься на грунт – и положиться на удачу.

– Пока судьба, кажется, нас хранит, – проговорил Меркурий. – Не беспокоит ни пограничная служба, ни таможенный досмотр, вообще никто.

– Мне кажется, – сказал Изнов глубокомысленно, – что самым благоразумным было бы прежде всего заправить корабль топливом. Мало ли что может приключиться...

– Вне всякого сомнения, – подтвердил Меркурий. – Если только тут заправляют в кредит. Или, может быть, у вас есть деньги? Граанские барсы имеют хождение по всей Галактике.

– В таком случае я принадлежу к другой галактике, – объявил Федоров. – И посол тоже. Все суммы, имеющиеся в нашем распоряжении, спокойно лежат на посольском счете в Имперском банке вашей, Меркурий, родной страны.

– Если их еще не конфисковали, – поправил Изнов. – Думаю, что это там поспешили сделать в первую очередь: что касается денег – все правительства и режимы похожи как две капли воды. Но, Меркурий, здесь у вас, на борту, должна же лежать в сейфе какая-нибудь неприкосновенная аварийная денежка – или хотя бы карточка галактического, на худой конец – регионального кредита.

– Только не говорите, что забыли ее дома, – добавил Федоров сурово.

Меркурий грустно взглянул на него.

– Я вернулся из полета перед самым вашим прибытием. И, к сожалению, не успел восстановить потраченное... – и он совсем по-земному развел руками.

– Я склонен думать, что вы поступили легкомысленно, – покачал головой Федоров. – Что же нам остается? Продать вас в рабство и на вырученные деньги заправиться? Хотел бы я знать, Меркурий, сколько могут за вас дать. Хватит хотя бы на одну цистерну?

– Больше, чем за вас, во всяком случае, – огрызнулся синерианин.

– Ну ладно, друзья, – проговорил Изнов примиряюще. – Денег нет, это печально; однако мы все еще обладаем определенным дипломатическим статусом и можем это подтвердить соответствующими документами. Основная трудность заключается в том, чтобы добраться до здешней столицы. Там мы найдем что-нибудь соответствующее Министерству Галактических дел – нам укажет путь любой полицейский. А там... Не такие уж мы плохие дипломаты, чтобы не выговорить сотню-другую тонн топлива для разгона и контейнер протиды – для сопространственного прыжка. С ними мы доберемся до Федерации Гра, свяжемся с Террой, объясним ситуацию...

– Послушаемся вас, – согласился Федоров. – Ну, я полагаю, внизу остыло уже достаточно. Все готовы? Спускаемся.

Они спустились. Створки люка медленно разошлись. В тамбур ворвался теплый, пронизанный каким-то сладко-горьким ароматом воздух и монотонный, многосложный гул толпы. Изнов невольно приостановился, прежде чем ступить на сходный трап.

– Ехать так ехать, – бодро сказал Федоров. И первым двинулся вперед.

Нет, это было совсем иначе, чем казалось наверху, на экране внешнего монитора.

Шум, накинувшийся на них еще в тамбуре, сейчас, на просторе совершенно оглушил. Казалось, каждый находившийся здесь пришел специально и только для того, чтобы раскрыть рот пошире и издавать как можно более громкие звуки. Однако, как вскорости поняли прилетевшие, звуки вовсе не бессмысленные.

Здесь всюю шла торговля. Каждый предлагал свой товар. Назначал цену. И громогласно доказывал ее, самое малое, справедливость, а то и совершенную убыточность для себя. Покупатели же не менее оглушительно возражали и всячески поносили товар, усердно сбивая цену. Одним словом, жизнь бурлила ключом в самом, казалось бы, неподходящем для этого месте. Однако, может быть, на этой планете все так и велось с давних времен.

Но такую картину наверняка можно было бы наблюдать и в других местах обширной Галактики. Вновь прибывших сразу потрясло другое: внешность местных обитателей. Нет, в общем и целом они походили и на людей, и на синериан – если не считать глаз. Удлиненные органы зрения их, как сразу выяснилось, обладали не одним, а целыми тремя зрачками каждый – и от этого возникало впечатление, что всякий житель этой планеты видел тебя не с одной, а одновременно с трех сторон – хотя на самом деле, надо полагать, дело обстояло вовсе не так. Да, странно было вместо привычных – и на Терре, и на Синере – глаз наблюдать подобие полураскрывшихся стручков, по три зрячих горошины в каждом...

Откровенно растерявшиеся путешественники несколько минут стояли, не рискуя удалиться от корабля. Он, казалось, возвышался среди волнующегося моря, чьи валы могли в любую минуту подмыть его, опрокинуть и унести по течению. Людям нужно было какое-то время, дабы привыкнуть, чтобы научиться выделять из общей картины нужные им детали или их группы – все то, что могло бы в будущем оказаться полезным или даже необходимым.

Поэтому люди вовсе не сразу стали замечать, что шумели, толкались и торговались далеко не все. Оказалось, что тут были и молчаливые. И рядом с прилетевшими перед кораблем постепенно возникла целая группа именно таких.

Федоров насторожился. Однако, похоже, без особой причины. Потому что молчаливые туземцы не обратили на людей, казалось, никакого внимания. Оно было целиком и полностью занято кораблем. Несколько минут прошло в полном молчании. Потом один из них, в длинно-

полом черном одеянии и круглой шляпе, неожиданно повернулся к Меркурию и что-то спросил. Не сразу, но синерианин ответил. Долгополый кивнул и задал следующий вопрос. Ответить Меркурию помешал Федоров.

– Ваше Приятное Свечение, – сказал он с напором. – Нас вовсе не устраивает роль публики. Мы тоже действующие лица.

– Хорошо. Я буду переводить...

– Не годится. Тогда нам останется только воспринимать факты, но не создавать их. Будьте добры, попросите его перейти на граанский. Не сомневаюсь, что он владеет этим языком – хотя бы в какой-то степени. Я, например, хочу спросить его о ценах на мясо. С удовольствием съел бы сейчас отбивную. Да и вы, думаю, тоже. Поскольку топливом здесь, судя по всему, все равно не торгуют.

Меркурий обратился к долгополуму. Трехзрачковые глаза того не выразили ни удивления, ни неудовольствия; он коротко ответил:

– Пообедать здесь можно. И договориться о топливе тоже. Но сперва потолкуем о делах.

Это было сказано уже по-граански, хотя и с ужасающим акцентом. Изнов невольно поморщился, но тут же изобразил полнейшее одобрение. С этого мгновения разговор сделался общим.

– Сколько он потребляет при разгоне? – поинтересовался туземец.

– До прыжка – восемьдесят тонн. Скажите, сколько стоит наполнить цистерны? Во что это обойдется – в граанских барсах, допустим?

– Какова полная емкость?

– Триста пятьдесят.

– Вполне приличная емкость. Яхта субгалактического класса, насколько могу судить?

– Не вполне точно, – несколько обиделся Меркурий. – Именно галактического. Мне приходилось добираться на этом суденышке даже до...

– Это еще лучше, – не дослушав, перебил его долгополый. – Ну а какова предельная грузоподъемность?

– А собственно, почему это вас интересует? – спросил Федоров, вызываяще задрав подбородок. – Вы что, собираетесь купить этот корабль? Могу вас огорчить: он не...

– Не спешите, друг, – доброжелательно посоветовал молодой человек. – Может быть, я просто хочу предложить вам выгодный фрахт – мне как раз нужно срочно отправить товар, а у вас – пустые трюмы...

– А вы откуда знаете? – этот вопрос задал Меркурий.

– Видно же по амортизаторам, йомть, – усмехнулся деловой человек.

– И далеко везти?

Коммерсант ответил не сразу:

– Может, на Ливеру, а может, и еще куда – какая разница? Оплачено будет хорошо, не сомневайтесь.

– Мы не берем фрахт! – резко сказал Меркурий.

– Тогда, может быть, действительно поговорим о продаже?

Но тут в разговор вступил и еще один туземец. Придетый точно так же, как и первый, он отличался лишь ростом и шириной плеч, настолько же уступая в первом, насколько выигрывая во втором.

– Надо разобраться, – кратко сказал он, обращаясь к долгополуму. – Что-то ты разогнался. Могут быть и другие желающие на Иссоре!

– Похоже, что они собираются распорядиться нашим кораблем без участия хозяев, – негромко проговорил Федоров по-террански. – Иссора? Вот, значит, где мы оказались. Что-то я слышал такое...

В неожиданно наступившей тишине особенно выразительно прозвучал глубокий вздох Меркурия.

Синерианский дворянин сделал шаг назад и низко, в пояс, поклонился Изнову.

– Простите, посол, – сказал он громко. – Боюсь, что я привел вас к гибели. Не умышленно; однако это не уменьшает моей вины...

– Что вы, что вы, друг мой! – встревожился посол. – Я, право же, не понимаю...

Меркурий распрямылся. Гордо откинул голову.

– У нас, имперского дворянства, – проговорил он надменно, – существует старинный обычай. Всякий, совершивший непоправимую ошибку, из-за которой попадают в беду другие, на их глазах приговаривает себя к смерти и сам приводит приговор в исполнение, предварительно испросив прощение тех, кого вольно или невольно предал. И вот я прошу вашего прощения, посол.

– Но, однако же...

Не слушая, Меркурий повернулся к Федорову.

– И вашего прощения, советник, также почтительно прошу.

– Да бросьте вы валять дурака, Меркурий, – ответил Федоров неуважительно. – Что это вам взбрело в голову? Почему вы именно сейчас решили, что мы попали в беду?

– Потому, – ответил Меркурий, – что, сам того не зная, я привез вас именно на Иссору. И поэтому, спасая свою честь, должен уйти в мир неизвестного. Прощайте, господа!

– Черта с два! – пробормотал Федоров, хватая Меркурия за руки. – Нас и так мало, нас тут собираются обчистить, а вы еще выкидываете всякие номера почище цирковых...

– Не выламывайте мне руки, советник, – холодно произнес Меркурий. – Это не поможет. Мы уходим из этой жизни, останавливая сердце; этому нас обучают с детства. И уж схватить меня за сердце вы никак не сможете. Не напрягайтесь бессмысленно...

– Одну минутку, – поспешно проговорил Изнов. – Меркурий, послушайте... Кто мог знать, куда нас вынесет? Не улети мы – нам наверняка пришлось бы куда хуже. Да и что вы нашли тут такого страшного? Разумеется, много необычного, вот хотя бы эти... коммерсанты, однако корабль наш заперт, мы немедленно обратимся в местную полицию – и, уверен, все обойдется. Вы же не думаете, что найти полицию здесь окажется непосильной задачей для нас? О Господи, а это что еще за шум?

– О, наивный друг мой! – изрек Меркурий драматически – как и полагалось в такой ситуации. – Найти полицию? Вам не придется искать ее, потому что... Ну конечно – вот она! Видите – приближаются...

И он жестом античного трибуна указал на пробиравшиеся сквозь толпу машины военного образца. Толпа расступалась неохотно, невзирая на оглушительные звуки сирен, так не понравившиеся Чрезвычайному и Полномочному послу.

– Это Иссора! – на этот раз Меркурий произнес название мира вполголоса, словно пугаясь самого сочетания звуков. – Мир самого жестокого в регионе законодательства, планета, где к пришельцам относятся беспощадно, хотя внешне стараются этого не показать. Да, да. Этот мир – как черная дыра, откуда нет возврата. Вот почему я...

– Меркурий! – перебил его Изнов. – Мы глубоко чтим обычаи и установления вашего мира. Но не пострадает ли честь дворянина, царедворца... и, в конце концов, разведчика, если вы оставите нас в таком... э-э... неопределенном положении? Мы, к сожалению, не умеем исходить из жизни так спокойно, нас этому не учили...

– Нас учили сначала подражаться как следует, – добавил Федоров, – а уж там как получится.

– И поэтому я думаю, что ваши честь и достоинство лишь выиграют в глазах самых строгих судей в вопросах этики, если вы не бросите нас одних, но, напротив – сделаете все, чтобы

отвратить опасности, которые, по вашим предположениям, нам угрожают. Давайте сперва хоть попытаемся понять – что тут может быть опасного. Мало ли – никто не возвращался! Значит, мы будем первыми, только и всего!

Меркурий вздохнул.

– Покоряюсь судьбе, – сказал он.

Полицейские машины неотвратно надвигались.

– Ну наконец-то, – облегченно расслабился Изнов, – нам помогут во всем разобраться.

И он воспользовался самой приветственной из богатого арсенала улыбок, сделав шаг навстречу приближающимся ревнителям порядка.

* * *

Их было целых пять, вооруженных как на войну, хранителей закона, и на улыбку Полномочного посла никто из них и не подумал ответить. (Впрочем, представители этой профессии во всей Галактике если и улыбаются, то лишь в своем кругу.) Они не успели еще приблизиться к кораблю, как окружающие уже потеснились, освобождая свободное место; на лицах присутствующих запечатлелось выражение любовного почтения и полной готовности.

– Гм... – пробормотал Федоров. – Артисты...

Он сказал это по-русски, так что никто, кроме сотоварищей, его не понял. Тем не менее Меркурий предостерегающе прошипел:

– Тссс...

Больше ничего он сказать не успел: полицейские – или как они тут назывались – были уже рядом. Рослые, плосколицые (как и все здешнее население), с носами, более всего напоминавшими утиный клюв, с теми же строеными глазами, которые у полицейских казались еще более всевидящими и беспощадными, в особенности же у их начальника.

Он остановился перед прилетевшими. Оглядел их и в качестве собеседника выбрал Меркурия – видимо, потому, что по облику синерианского сановника угадал в нем расово родственное существо. Получив таким образом адресата, блюститель порядка откашлялся и произнес несколько слов на местном языке. Среди окружающих поднялся и тут же опал легкий шум, выразивший, казалось, скорее удовлетворение услышанным, чем что-либо другое. Меркурий, напротив, судя по широко раскрывшимся глазам, немало удивился. Он проговорил в ответ длинную фразу – чем вызвал у собеседника звуки, более всего напоминавшие рычание весьма крупного хищника. Впрочем, это мог быть и разъяренный бык. Меркурий снова возразил. Ответом было рычание более продолжительное.

– В чем дело? – вполголоса спросил по-террански Изнов, явственно ощутивший неладное. – Что-нибудь не так? Вы объяснили ему, что мы желаем лишь заправить машину и не собираемся даже выходить за пределы космодрома?..

Пока Изнов задавал вопросы, обстановка вокруг них несколько изменилась. Толпа попятилась еще дальше, а четверо спутников главного ревнителя заняли новую позицию, как бы окружая путешественников.

– Я сам ничего не понимаю... – успел еще ответить синерианин. – Он не требует никаких объяснений. Просто объявил, что мы арестованы и в самом ближайшем будущем должны предстать перед судом.

– Скажите ему, что мы дипломаты! – велел Изнов. – Наши личности неприкосновенны согласно всем Галактическим уложениям, не говоря уже об Альдебаранской конвенции... Нет, лучше я сам ему скажу!

И он обратился к полицейскому по-граански:

– Глубокоуважаемый господин офицер! Являясь дипломатом высокого ранга, стремлюсь обратить ваше внимание на...

Не пожелавший, видимо, чтобы его внимание обращали, полицейский чин не стал ждать, пока Изнов закончит тираду, но прервал его, говоря на том же граанском языке:

– Приглашение есть? Виза есть? Нет – немедленно улетать.

– Но позвольте же... У нас в эту минуту нет топлива, и...

– Я тут не для того, чтобы позволять, йомть, – ответил офицер очень спокойно и даже, можно было подумать – доброжелательно. – И повторять тоже не собираюсь. Мое дело – предупредить вас о том, что вы обязаны не позже чем через пятнадцать часов предстать перед судом Великого Сброда для определения степени вашей вины и меры наказания. Вот и все, что я могу для вас сделать. А в случае неявки будете казнены по месту обнаружения как при попытке к бегству, йомть!

– Я вам говорил... – едва слышно пробормотал Меркурий. – Посол, верните мне мое обещание, и я немедленно...

– Ни в коем случае! – оборвал его Изнов. Федоров же добавил:

– Хочешь оставить нас одних тут расхлебывать? Ну уж нет!

– Но я не потерплю, чтобы меня схватили, наложили оковы, тащили куда-то... Мы неспособны пережить подобные оскорбления.

– А никто и не собирается, – утешил его Федоров. – Видите?

Офицер уже подал команду; его подчиненные тут же опечатали люк корабля и выстроились позади своего начальника.

– Чтобы пресечь попытку к бегству, пользоваться кораблем запрещаю, – добавил офицер на прощание. И заключил: – Йомть!

«Кажется, они собираются уходить...» – сообразил Меркурий. И тут же воззвал:

– Но если корабль опечатан, где же мы будем ночевать? И потом – мы даже не знаем, где тот суд, в который мы должны явиться! Или как он там его назвал?

– Ночевка – ваше дело, – ответил полицейский спокойно. – Иссора не собирается тратить деньги на благоустройство преступников.

– А суд? – на этот раз потребовал разъяснений Изнов. – Мы же должны знать, где тот суд, в который нам...

Мотор полицейской машины взревел. И фургончик покотил к видневшемуся вдалеке зданию космовокзала.

– Интересно... – только и смог проговорить Федоров.

Не менее получаса прошло, прежде чем они оказались в здании космопорта, в гулком зале. Перед тем как найти дорогу сюда, им пришлось долго блуждать по коридорам и боковым переходам, потому что прямой доступ был наглухо перегорожен контейнерами, судя по габаритам – морскими, огромными, да еще установленными в два яруса. Бродя по темным туннелям, прилетевшие наугад отворяли двери – те, что поддавались нажиму; бывшие кабинеты и служебные помещения были забиты ящиками, картонными коробками, пустыми, в чем сразу же убедился любознательный Федоров, а также сложенными в аккуратные кипы мешками из синтетической рогожи, пленочными полотнищами и прочей тарой. Вероятно, и за запертыми дверями были те же ящики – однако уже с содержимым. Ничто более не указывало на какую-то связь здания с космическими сообщениями. Хотя...

В одном из былых кабинетов Федоров задержался. Могло показаться, что он принохивается – сосредоточенно, как охотничий пес.

– Вы что-то учуяли, советник?

– М-м... Вам приходилось когда-нибудь иметь дело с протидом?

– Самому – нет. Только слышал. А почему вы... А, вспомнил: этот мир обладает самыми большими в регионе его запасами. Конечно же; потому и название «Иссора» застряло в памяти. А почему вы спросили?

– Да так... – пробормотал Федоров неопределенно. – Готов спорить, что некоторое количество этого вещества находилось здесь не так уж давно. И не такое уж малое, иначе запах не сохранился бы. А ведь корабли здесь, судя по виденному, не садятся. Зачем же его сюда привозили? Гм...

– Я помню только, что он радиоактивен, – сказал Изнов. – И, кажется, служит предметом незаконной торговли. Кстати, в переговорах на Синере мне предстояло...

– Он обладает своеобразным запахом, – сказал Федоров, – и легко обнаруживается. Поэтому контрабанда протиды требует особых условий; тем не менее есть места, где она процветает.

– Я, например, ничего не почувствовал. Хотя сейчас и мне кажется... Ну а что, если он здесь и был? Мы же не затем сели здесь, чтобы помогать им бороться с контрабандой.

– Ничего, разумеется, – ответил Федоров кратко. – Идемте дальше.

– Самое время начать аукаться, – с невеселой усмешкой проговорил Изнов. – Кажется, мы основательно заблудились. Я уже и не понимаю: на поверхности мы, под нею или над?

– Как-нибудь выберемся, – бодро откликнулся Федоров. – Еще какой-то ход я заметил – мы только что прошли мимо.

– Да это просто дыра...

– А чем мы рискуем?

– И то правда.

На этот раз они угадали верно. Судя по длинным столам и узким проходам, в зале некогда производился таможенный досмотр. Сейчас тут было безлюдно в отличие от старт-финиша – вероятно, потому, что развернуть торговлю мешало множество всякого хлама, загромождавшего и это помещение. Похоже, сюда стащили все, что не пригодилось новым хозяевам космодрома: старые столы и столики, стулья, поломанные пластиковые шкафы, разбитые витрины-рефрижераторы, электрические уборщики, раздавленные ящики и множество мусора, чье происхождение определить уже не представлялось возможным. Все это добро наглухо блокировало проходы – кроме одного. Зато в этом проходе сидела на высоком табурете немолодая девица с вязаньем в руках – рядом со столиком, на котором разложены были в изобилии пакетики с жевательной резинкой и какие-то пестрые бумажки – скорее всего лотерейные билеты; во всяком случае, на Терре их именно так и восприняли бы. Арестованные (наверное, так их следовало теперь называть) остановились перед нею. Обождали минуту, другую.

– У меня такое ощущение, что мы стали невидимками, – проговорил Федоров наконец. – Или, может быть, она незрячая? Тогда бы хоть услышала: мы пробирались сюда достаточно громко...

Нет, глаза вязальщицы, после этой фразы оторвавшиеся от рукоделия и остановившиеся на вновь прибывших, были, насколько можно судить, в совершенном порядке, и в них можно было прочесть устойчивую скуку, в каждом из шести зрачков. Она кивнула на стол и произнесла несколько слов.

– Говорит, что все, что есть, можно видеть на столе. После обеда подвезут еще чего-нибудь, – с некоторым напряжением перевел Меркурий.

– Растолкуйте ей, что мы не покупатели. Спросите, можем ли мы выйти в город или нужно выполнить какие-то формальности. О том, что мы под арестом, лучше не упоминать. Скажите просто, что нам велено отметить прибытие; у нее это или еще где-нибудь?

– Она спрашивает, откуда мы прибыли. Но мне, откровенно говоря, не хочется называть...

– Придумайте что-нибудь. Пойдите, какой мир называл тот парень около корабля? Что-то такое... Ливрея, в этом роде.

– Ливера.

– Вот и назовите его.

– Ну, пусть Ливера, – согласился синерианин и снова пустился в объяснения. Слушая его, девица пронзала прибывших своим голографическим взглядом. Потом что-то прокричала – обращаясь, надо думать, к кому-то невидимому. Обождала и возвала еще раз. Единственным словом, какое уловили вновь прибывшие, было уже слышанное, хотя и непонятное «йомть», прозвучавшее сейчас раза четыре. После этого в одной из стен зала отворилась почти незаметная дверца и появилась дама в длинном желтом одеянии. В руке она держала маленький чемоданчик. Дама приблизилась к ним решительными шагами.

– Чую недоброе, – пробормотал Федоров негромко. – Может, мы зря к ней обратились? Как думаете, сосед?

– Не танк же нас атакует, – не согласился Изнов. – Всего лишь не очень крупная женщина... Меркурий, а по-вашему? Если не смотреть им в глаза, то они оставляют вполне пристойное впечатление, не так ли?

Синерианин не ответил. Женщина между тем приблизилась. Поставила чемоданчик на стол, сдвинув жвачку в сторону. Раскрыла.

– Медицина... – опасливо пробормотал Федоров.

И в самом деле, медицинская дама вручила каждому по большой таблетке и жестами показала, что следует расстегнуть одежду на груди. Затем сделала вид, что кладет таблетку в рот и тщательно разжевывает. Из того же чемоданчика достала безыгольный инъектор.

– Наверняка гадость какая-нибудь, – поморщился Федоров. – А, ладно, двум смертям не бывать...

Он забросил таблетку в рот и после мгновенного колебания начал жевать. Двое настороженно смотрели на него. Дама приложила инъектор к его шее, справа. Зашипело. Федоров проглотил. Подмигнул.

– Ничего, бывает хуже. Впечатление, как от рюмки водки. Жаль, что запить нечем. Нет, ей-богу, там градус. Даже голова закружилась...

Он все же показал, что пьет – дама замахала руками, начисто отвергая, видимо, такую возможность. Изнов и Меркурий жевали. Каждый получил и свою инъекцию. Дама показала им на жесткий диванчик чуть в стороне – впрочем, то даже не диванчик был, а вроде садовой скамейки. Сделала движение, словно садясь. Подняла руку, прижала два пальца, остальные вытянула.

– Господи! – не удержался Федоров. – Семь пальцев, а? Эй, и у этой... Я думал, они только с лица такие... не совсем этакие. А они еще и семипалые. Это только то, что видно. А если...

– Советник! – сухо окликнул его Изнов. – Вас просят присесть и, видимо, обождать чего-то в течение пяти – только не знаю чего: минут? Часов? Дней?

– Что ж, присядем, – согласился Федоров, не совсем уверенно переступая ногами. – Голова прямо кругом идет. Боюсь, что нас все-таки подловили. Только чего ради? Мы и так ведь уже...

– Молчание! – предостерег Изнов.

– Стоило бежать так далеко, – буркнул Меркурий, – чтобы столь глупо попасться. Отрава, я уверен. Сейчас потеряем сознание, и у нас выпытают все, что угодно. Наберут материала для обвинения...

– Мы ни в чем не виноваты, – сказал Изнов, тоже осторожно продвигаясь к скамейке. – Если только у них нет соглашения с Империей о выдаче преступников... А, Меркурий?

– Как мне помнится, нет. У нас не было с ними прямых отношений. Да ни у кого не было с ними отношений!

– Ну, в этом я не уверен. Дипломатических, может быть, и не было, но торгуют они, кажется, вполне... – Федоров не закончил, умолк.

Они смиренно сидели на диванчике; желтая дама глядела на них без особого интереса, рукодельница продолжала усердно шевелить всеми четырнадцатью пальцами, устремив на вязанье дважды по три зрачка.

– Интересно, – не без усилия проговорил Федоров через несколько минут. – Если то была прививка для приезжающих, то какой в ней смысл? Может, тут у них эпидемия? Мор? И оттого такой бардак – совсем как, бывало, у нас дома?

– Да нет, – сказала дама лениво, – у нас все здоровенькие. А бардак потому, что вас занесло на государственный космодром, которым давно уже никто не пользуется. Прилетающие садятся на частных. А это место давно уже заняли под генеральный рынок.

– Да? – сказал Федоров. – А отчего же так? И мы ведь не сами выбрали: нас маяк привел...

– А у государства на это денег нет, – объяснила дама безразлично. – У него деньги есть только на самого себя. А маяк – потому что забыли отключить, наверное. Нашим не до того, йомть.

– Чем же они таким важным заняты? – поинтересовался Изнов.

– А чем они могут быть заняты? Построили правовое государство, теперь достигают Великого Бреда, – сказала дама-медик и зевнула.

– И долго его собираются строить?

– А вот все разворуют, – пообещала дама, – тогда и кончат.

Федоров, не участвуя в разговоре, сидел, до предела наморщив лоб, словно пытаясь настичь какую-то ускользающую мысль. Наконец это ему, по-видимому, удалось: он широко раскрыл глаза.

– Эй! Вы что – по-нашему говорите? Почему же сразу не сказали?

Дама пожала плечами:

– По-вашему? По-ливерски, то есть? Ни единого слова.

– Да вот же говорите!

– Нормально говорю, по-иссорски. Как и вы.

– Не знаю я никакого иссорского. В жизни не слышал.

– Зачем же я вас, по-вашему, кормила таблетками? Прививка языка. Пять минут – и свободно владеете. Это – то единственное, чем наше государство обеспечивает каждого прибывшего. Чтобы гарантировать равные условия при отправлении правосудия.

Последние слова она выпалила как хорошо затверженную цитату. Да, наверное, так оно и было.

– Что же, – спросил осторожно Изнов, – здесь всех прибывших судят?

Дама подняла на него удивленный взгляд.

– А разве бывает иначе? Конечно, всех.

– Почему же?

– Ну, чтобы все были – как это? – охвачены правосудием, йомть.

– Ну и судили бы своих...

– Своих давно уже всех пересудили, – вмешалась рукодельница.

– Как это?

– Да что вы прямо как маленькие... Не знаете, как судят, что ли?

– Нет, мы, разумеется, имеем представление... – проговорил Изнов озадаченно. – Но чтобы всех поголовно...

– Ну, не всех, конечно, – сказала дама.

– Да всех, – не согласилась рукодельница.

- Вот и не всех. Тех, кто судит – тех не трогают, йомть.
  - Пока они сбродят. А потом и их тоже.
  - Ну, потом, конечно, да, – признала дама.
  - Потрясающе интересно... – пробормотал Изнов. – Сбродят – весьма любопытное слово, странно, что мы его понимаем... И что же, вот вас тоже судили?
  - Да мы же местные, – сказала дама.
  - Местные. А что это должно означать?
  - А нас судят сразу по достижении совершеннолетия. Всех.
  - У нас правосудие это... – рукодельница начала и запнулась. – Все забываю слово. При? Про? Ну, напомни...
  - Превентивное, – сказала дама. – Самое демократическое, йомть.
  - Вы полагаете? – усомнился Изнов.
  - А как же. Всеобщее равенство перед законом. То есть, все должны быть судимы. А если одних будут судить, а других нет – где же справедливость?
  - М-да... – озадаченно протянул Изнов. – Презабавно...
  - Да это и не так страшно, как кажется, – утешила рукодельница. – Конечно, если понимать, как и что... Но вам растолкуют, вы не пугайтесь. Не вы первые. И потом, некоторые все же выживают.
  - Некоторые... – ни к кому не обращаясь, прошептал Меркурий. – Некоторые!..
  - Но постойте, – утешения рукодельницы, похоже, не очень успокоили Изнова. – Есть же категории лиц, не подлежащих суду данной страны. Дипломаты, например. Прилетают же к вам дипломаты?
  - Раньше бывало. А может, и сейчас – только не сюда, я уже говорила. Ну, насчет дипломатов не знаю, не могу сказать.
  - А мы как раз дипломаты, – многозначительно проговорил Изнов.
  - Зорамир! – сказала медицинская дама. – Что же это их никто не встретил, как думаешь?
  - Да чего ж такого, – сказала Зорамир, не отрываясь от вязания. – Проспал кто-нибудь, или забыли, а может, и сообщение не дошло. Уже неделя, как Сброд опять собрался, теперь никому ни до чего – все ждут драки. Раз в неделю драка обязательно случается, освобождаются места, никому не хочется упустить свой шанс. Вот и не встретили вас.
  - Зорамир, – сказала дама, – ты уж очень... Не перед своими все-таки. – И снова зевнула. – Ну ладно, пойду подремлю, если что – крикнешь.
  - Да-да, – сказал Изнов. – Мы не хотим злоупотреблять вашим временем...
  - Вы лучше ищите, где переночевать, – сказала Зорамир. Откуда-то из-под себя достала несколько отпечатанных бланков, протянула. – Сейчас заполните вот это все – въездные анкеты и таможенные декларации, и ступайте устраивайтесь. Вернитесь на рынок...
  - На старт-финиш то есть? – уточнил Федоров.
  - Ну да... И сразу же присмотрите семьи, да и прекословов тоже, только окончательно не договаривайтесь – оставьте на потом, а вечером посидите, карточки переберете и подыщете, кто посолиднее.
  - Ничего не понимаю, – развел руками Изнов. – А вы, советник? Меркурий, может быть, хоть вы в чем-нибудь разобрались? Все же для нас совсем чужой язык, знаете ли, незнакомые понятия...
  - Да чего тут разбираться, все вроде бы ясно, – бодро проговорил Федоров. – Умница моя, мы все сделаем, как вы сказали. Но, может, вы все-таки дадите нам хоть одного какого-нибудь человечка? Он не прогадает. Такого – знающего, энергичного, доброжелательного...
  - Да ладно уж... Идите побродите по рынку, только далеко не уходите. Вас найдут.
  - Вот это я понимаю, – сказал Федоров. – Целуем ваши ручки!
- И первым двинулся к выходу на старт-финиш.

- Приветствую вас на Иссоре! – с некоторым опозданием крикнула Зорамир им вдогонку. Медицинская дверь отворилась.
- Что, еще кого-то принесло? – протирая глаза, высунулась дама.
- Нет. Спи. Это я так.

Снова они оказались на обширной площади, что гудела, волновалась, дымила, жевала, глотала, находилась в непрерывном движении. Но если при первом появлении чужеземцев внимание толпы было обращено не на них вовсе, а лишь на корабль, то теперь, стоило им появиться на крыльце, сразу несколько десятков бросились к ним, опережая друг друга, расталкивая, оттаскивая, пронзая залповыми взглядами.

- Эй, ну-ка сплотимся, – скомандовал Федоров. – Не то нас сейчас растащат кого куда.

Но их уже окружили плотной – не шевельнуться – массой. Все кричали одновременно, так что не сразу понималось, что к чему.

- Ночлег, ночлег! Комфорт, приятное общество. Недорого, йомть!..

- Что продаете, йомть? Покупаю оптом, не глядя, хорошо плачу! Возьмите карточку...

- Отвезу, куда пожелаете, йомть! Первоклассная машина, оплата по часам, йомть...

– Семья, первая и лучшая в своем роде! Все, что угодно! За тысячи часов ни единой осечки! Вам нужна только наша семья! Надежность, йомть, пристойность! Цены умеренные...

– Прекослов! Контора «А, А и А»! Услуги лучших прекословов столицы, полное, исчерпывающее знание законов, разъяснений, комментариев и прецедентов. Полное уважение и содействие правосудия, минимальные санкции, предоставление надежных гарантов! Ничтожный процент!

- Объединение трех семей! Именно то, что вам нужно!

– Только для вас! Скидка, громадная скидка! Готовы на убытки ради торжества справедливости и милосердия. Возможна оплата сорами по курсу...

И еще. И еще. Ключки бумаги, визитные карточки, какие-то жетоны совали в пальцы, в карманы. Хватали за руки, за полы, тащили в разные стороны. Путешественники пытались отмахиваться – сперва осторожно, но чем дальше, тем серьезнее, Федоров уже просто бил наотмашь; это мало помогало.

Неизвестно, чем бы это кончилось. Но в самое, казалось, критическое мгновение к ним протолкался молчавший в отличие от прочих иссорианин – высокий, плотный, уверенно-четкий, с неподвижным взглядом. Руки он держал в карманах. Оказавшись вплотную, усмехнулся. Проговорил – как бы негромко, однако все услышали:

- Ну-ка – всем расплыться!

Орава замерла, умолкла – и вдруг стала размываться, рассасываться, влилась, ссыпавшись по ступеням, в общую толпу. Только тут стало возможно перевести дыхание. Федоров оглядел свой кулак, только покачал головой. Меркурий вздохнул:

- Никакого порядка...

Вновь пришедший повернулся к ним:

– Приветствую гостей Иссоры. Как, не очень вас помяли? У нас любят встречать приезжих. Извините, я немного опоздал – только что сообщили с таможни.

- Простите, – сказал Изнов с достоинством. – С кем имею честь?

- Ах да, я не представился. Мое имя – Гост. Приму на себя первые заботы о вас.

– Ну слава тебе, Господи! – проговорил посол. – Хоть какая-то система намечается. Мы, откровенно говоря, в некоторой растерянности от всей этой суматохи. Почему-то полиция объявила нам, что мы задержаны, потом столь же непонятно отпустила, обвязав завтра явиться в суд с несколько странным названием – «Сброд»... Совершенно непонятно, вам не кажется?

– Никоим образом, – возразил Гост. – Мне, напротив, все видится вполне естественным. Полиция объявила вам о вашем аресте потому, что вы подлежите суду; почему – об этом вы еще успеете узнать. Вас отпустили, поскольку все равно вы никуда не денетесь, на этой планете чужестранцу невозможно скрыться хотя бы по той причине, что вы еще долго не научитесь употреблять и правильно произносить слово «йомть». А полиции, как и любому другому, совершенно не нужны лишние заботы. Что же касается системы, то уверяю вас: без системы не живем.

Он мгновение подумал.

– Значит, вас трое. Трое... К счастью, одного пола. Ну что же – помогу вам устроиться на ночные часы, а уж там видно будет.

– А сколько часов длятся ваши сутки? – поинтересовался любознательный Изнов.

– А сколько бы вы хотели? – вопросом же ответил Гост.

– Не понимаю...

– Я шучу. Вон, на башне, видите – часы? Сравните с вашими, и все станет ясно.

– Простите, но мне как раз ничего не ясно!

И в самом деле: предмет, названный только что часами, обладал одновременно и круглым циферблатом с единственной стрелкой, и – пониже центра – прямоугольным табло, на котором виднелось лишь одно, но зато восьмизначное число, а именно 00010065.

– Офонареть можно, – пробормотал Федоров. Затем громко спросил: – Уважаемый Гост, это, быть может, автомат для обмена валюты или счетчик прохожих – только не часы.

– Тем не менее я назвал прибор правильно.

– Никогда бы не подумал. И сколько же на них сейчас времени? Снизойдите до нашей необразованности.

Гост пожал плечами. Усмехнулся:

– Хотя это вы могли бы усвоить, прежде чем пускаться в путь к нам – в мир неповторимой иссорианской культуры. Ну так и быть. Сейчас шестьдесят пять минут десять тысяч ноль шестьдесят пятого.

– Шестьдесят пятого – чего именно? – полюбопытствовал Изнов.

– Часа, естественно – чего же еще?

– Уфф, – сказал Федоров. – А какого числа и года по вашему летосчислению?

– А у нас нет никакого другого счисления. Только часы и минуты. Ну и секунды, разумеется – когда нужно. Есть, конечно, и названия больших промежутков времени: сроки. Бывает малый срок, просто срок и большой срок. Но мы их употребляем редко.

– Ни недель, ни месяцев?..

– О, это все безнадежно устарело. Час и срок – единицы времени. Согласитесь, что при таком отсчете невозможна никакая путаница: каждый час и срок имеют, так сказать, свой паспорт, свою документацию: у часа номер, документ срока – приговор. Если представится случай в дальнейшем, мы еще поговорим на эту интереснейшую тему, богатую философскими проблемами. Только не сейчас: время дорого, как бы его ни счислять. Идемте.

– А мы уже боялись потеряться, – признался Изнов.

– Ну что вы. Свои у нас могут исчезать, а приезжих мы бережем. Сейчас выйдем на площадь перед вокзалом, и там я объясню вам, как проще пройти к тому месту, где я рассчитываю приютить вас на ночь.

– Это так близко?

– Ну, я не сказал бы, что рядом – идти придется не менее часа. Но почти все время по прямой, так что вы не заплутаетесь.

– А туда что, нельзя подъехать? – несколько встревожился Изнов.

– Можно было бы – располагай вы транспортом. Казенные машины нынче не ходят: нет горючего. Не то что у вас на Ливере, верно?

– Да, у нас, конечно, многое не так, – согласился Федоров. – Но неужели иссякли знаменитые на весь регион иссорские месторождения?

– Ну что вы, они существуют, работают. Только горючее куда-то девается – право, не знаю, куда, тут много разных мнений. Факт то, что из каждых ста часов транспорт работает – десять. Конечно, частники и в другие дни катаются, у них проблем с энергией нет. Но они дерут неимоверно... Я бы вас подвез на своей, но она тут берет товар, ее придется ждать долго. Ничего, доберетесь как-нибудь. Не волнуйтесь. Вы оказались в правовом государстве, оно отвечает за вашу судьбу. А это значит, что с вами в любом случае поступят по закону. Строго по закону. – Гост усмехнулся. – Вопрос только – по какому: законов-то накопилось великое множество... Но что касается протиды – он от вас не уйдет, получите, не беспокойтесь, вы не зря прилетели.

И, не позволяя задавать новые вопросы, увлек их за собой.

Смеркалось; а может быть, здесь светлее и не полагалось, просто по сравнению с привычным, земным, и даже по синерианским понятиям было сумеречно. Лиловые облака лежали, казалось, прямо на крышах домов в четыре и пять этажей; облик этих домов – в большинстве своем старых, но не ставших по возрасту памятниками архитектуры, явно нуждавшихся в капитальном ремонте, – забавно контрастировал с вызывающей пестротой свежих вывесок и ярким освещением витрин на первых этажах. Выставлено было в витринах много чего, длинные комбинации знаков на табличках сперва показались приезжим названиями, но как-то само собою они быстро поняли, что это цены – хотя, не зная курса валют, нельзя было определить, высоки они или нет. Единственным пока мерилом ценности для путешественников была сразу по прилете увиденная цена жизни в нынешний день. Если они не ошиблись в чем-то, жизнь здесь стоила не очень дорого; что, впрочем, можно было считать закономерным, потому что предметы первой необходимости и должны быть достаточно дешевыми (хотя бывает, конечно, что жизнь становится предметом роскоши, однако, к счастью, такие периоды в истории относительно кратковременны).

– Да, – проговорил, вздохнув, Меркурий, с трудом отрываясь от витрины, сверху донизу уставленной бутылками – одна другой привлекательнее; он успел заметить, что ни одна из них не повторялась – ассортимент напитков был донельзя обширен. Правда, большинство из них оказалось граанского производства, но какая разница жаждущему? – В такие минуты понимаешь, что в деньгах если и не счастье, то удовольствие во всяком случае.

– Ну ладно, ладно, – сказал Федоров. – Опять за старое?

– Однако не видно, чтобы это пользовалось особым спросом, – констатировал посол.

– Да просто дорого, – объяснил советник. – А вы подумали, что здесь – мир воздержания? Вглядитесь – разочаруетесь. А забавно, когда все три зрачка начинают косить – каждый в свою сторону. Как это у них получается?

Ответа никто не знал, и полквартала они прошли молча.

– Странно, – затем проговорил уставший от молчания Изнов. – Непонятная смесь столичного размаха и глуши. Машины, судя по нашим представлениям, высокого класса – и такое впечатление, что здесь никто ни о чем не заботится. Глушь какая-то. Люди ходят в грязной одежде – негде почистить? Можно подумать...

Он не закончил: в двух десятках метров впереди загрохотали выстрелы. Вспыхнула и ярко запылала машина, на нее налетели сразу две другие. Дробно застрекотали автоматы, побежали прохожие...

– Ложитесь! – крикнул Федоров, подавая пример.

Пришлось падать в грязь. Огневая стычка оказалась, к счастью, кратковременной, и уже минут через пять можно стало подняться.

– Вот почему люди ходят в грязном, – пробормотал Изнов, оглядывая себя. – Пойдемте-ка отсюда.

– Обождем, – предложил Федоров. – Интересно, насколько оперативна тут полиция.

– Какое вам дело?

– Ну все-таки...

Они потоптались на месте еще минут с десять – полиция не появлялась. На них начали уже обращать внимание.

– Ладно, – сказал Федоров. – И правда, пойдемте.

Улица снова оживилась, прохожие выглядели до странного невозмутимыми. Объезжая сгоревшую машину, подле которой уже суетились какие-то люди, вытаскивавшие и, похоже, обшаривавшие трупы, по мостовой катили счастливые обладатели горячего – на чересчур высоких скоростях; двигались они без всякой видимой системы и порядка, хотя то и дело вспыхивали тут и там разноцветные огни, предназначенные, возможно, для регулирования, но никем во внимание не принимавшиеся.

– А вот, смотрите, тоже интересная витрина, – указал Изнов.

Они поглядели.

– Смотреть не на что, зато удивляться есть чему, – такими словами Федоров выразил общее впечатление.

Смотреть и вправду было особо не на что: на витрине, затянутой черным бархатом, красовалась одна-единственная пара лаптей и рядом – табличка с ценой. Несоответствие между первым и вторым могло изумить даже опытного человека.

– Что же это получается? – пробормотал Меркурий. – Эта... обувь стоит дороже, чем две жизни? Нет, мы наверняка что-то не так понимаем. Да ведь в ней даже выйти нельзя в такую погоду! И вообще...

– Относительно жизней – не знаю, но в Федерации Гра, да и у нас на Терре это цена самой роскошной машины, – сказал Федоров. – Не знаю, придется просить Госта объяснить этот феномен.

– Тогда уж и вон тот тоже, – и Меркурий кивком указал в другую сторону.

На противоположной стороне широкой улицы, на которой путешественники сейчас находились, между двумя домами располагалась обширная незастроенная площадка; возможно, раньше и тут стояло строение, затем его снесли, а построить что-то другое забыли. Но площадка отнюдь не пустовала. Сейчас на ней располагался высокий навес, под которым было установлено внушительных размеров техническое устройство, чье назначение не сразу стало понятным. Но взглядевшись, Федоров сказал с уверенностью:

– Да это пресс!

– Вы уверены?

– Более чем. Видывал такие за работой. Они предназначены для того, чтобы из отслуживших автомобилей делать брикеты металлолома для переплавки. Но здесь-то он зачем установлен?

Еще не кончив удивляться, они получили ответ на этот вопрос.

С улицы лихим левым поворотом под навес вкатилась великолепная машина, в которой дипломаты без труда опознали граанский «омнивент», машину очень и очень богатых людей. Из нее вывалилось с полдюжины седоков – молодых обитателей Иссоры, мужчин и женщин. Возможно, они были слегка навеселе. Смеясь и оживленно разговаривая, они приблизились к прессу и остановились, чего-то ожидая.

– Прекрасная машина, – проговорил Меркурий с восхищением. – В Империи такие есть только у четырех человек, и им никто даже не завидует – слишком дорого для зависти, слишком немислимо. И совсем новенькая, смотрите. Ручаюсь, что она не прошла и пяти тысяч. Но что они собираются делать? Что?..

Синерианин умолк: у него перехватило горло при взгляде на то, как оставшийся за рулем – видимо, владелец машины – сноровисто въехал на стол прессы, затормозил, вышел и захлопнул дверцу. Неторопливо вышел из-под нависавшего шпинделя, присоединился к своим спутникам и махнул рукой – видимо, подал сигнал машинисту. Пресс заработал. Раздался скрежет – казалось, автомобиль зарыдал перед неизбежной гибелью. Металл хрустел. Считанные секунды – и машина превратилась в прямоугольную глыбу. Зрители – к прикатившим на «омнивенте» успело присоединиться и несколько зевак – разразились радостными криками, аплодисментами и пронзительным свистом.

– Пойдемте, – попросил Меркурий. – Я встречался на своем веку с разными формами идиотизма, но такого в моей коллекции еще не было.

– Радуйтесь: вы обогатили коллекцию, – усмехнулся Федоров.

– Деньги, деньги... – то ли осуждая, то ли завидуя, проговорил синерианин.

– Да, за них можно купить все – кроме того, что за деньги купить нельзя, – сказал Изнов.

– Что же, например?

– Интеллект, допустим. Вам не показалось, что с ним как раз у них, участников жертвоприношения, не совсем благополучно?

– Это их проблемы, – сказал Федоров. – Пойдите, по-моему, здесь нам следует повернуть направо. – Он посмотрел на табличку с названием. – Букв не хватает, но, кажется, это та самая улица.

Усталые путешественники, следуя наставлениям Госта, свернули в улочку потише, а оттуда и совсем в глухой переулок. Картина изменилась: было пусто и тихо, висела унылая тишина, шаги в ней глохли, не успев прозвучать. И пахло, похоже, вчерашним днем.

– А странный взгляд у этого Госта, – ни с того ни с сего вдруг сказал Изнов. – Вам не кажется?

– У кого же здесь не странный – по нашим меркам?

– Да, но у него какой-то такой – тяжелый, неподвижный...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.